

Аб Мише
(Анатолий Кардаш)

ШЕНХАВИ

Он родился 13 сентября 1900 г. в Волочискe (тогда Волынская губерния России, сегодня Украина) в семье мелкого торговца Давида Альпенбейна. В поисках прокорма семья перебралась в Будапешт, потом в Вену. Там сын Альпенбейна, одолевая бедность, закончил гимназию, одновременно соблазнясь социализмом и сионизмом: он примкнул сразу к двум левого толка молодёжным организациям и вслед за тем поспособствовал их слиянию в движение *Ха-Шомер ха-Цаир* («Молодые стражи») – редкий случай при еврейской склонности к разнобою, но молодые сионистско-социалистические энтузиасты, подобные 16-летнему Альпенбейму, очень старались. Им светила мечта о новой свободной жизни в новой своей еврейской стране, отметалось жалкое прошлое прозябание: местечки, торговля, погромы, раввины, фаршированная рыба, даже прежние имена. Молодой Альпенгейм назвал себя Мордехаем Шенхави. В январе 1919 г. среди многих пионеров сионизма, прибывших в Хайфу на одесском корабле, он первым из Ха-шомер ха-Цаир ступил на землю Палестины. Энергии Мордехая Шенхави предстояло будоражить еврейское население – *ишув* не один десяток лет. Только за деятельность в Иерусалиме он в 1981 г. получил звание почётного гражданина этого любимого имего города. Здесь он участвовал в создании и разворачивании Дома Качества, галереи прикладного пластического искусства, Библейского Дома, а главнее всего – сотворил Яд Вашем.

Начало было в 1942 году. Сон был. Шенхави тогда жил в кибуце Хефциба в Изреельской долине. Где-то евреев молотила Шоа, здесь, в Палестине о ней не очень знали. И не хотели знать: далёкая, неслышная здесь война оказывалась для бедного ишува, даже в чём-то и благом - наехавшие английские солдаты взбодрили местную торгово-ремесленную самодеятельность; прежний вывоз за границу палестинских продуктов пресекался в убыток местным торговцам, зато на пользу голодному люду; жить сытнее стало, веселее. Присутствие британцев уменьшало боязнь арабского ножа, а дружба с Англией подразумевала поддакивание и её пропаганде: мол, Гитлер

лжёт, будто мы воюем за евреев; добрый англичанин дерётся собственной отчизны ради, а вовсе не ради малоприятного того народца. К тому же только английская армия могла окоротить лучшего германского генерала Роммеля, со своим африканским корпусом волком рыскающего неподалёку от беззащитного ишува. В общем, местным евреям думать о родственниках европейских бедолагах было недосуг: самим бы выжить. Доходили из Европы письма, слухи, и в газетах пробивалось, однако – не слушали, не слышали, не верили. Правда грозила обескураживающей паникой, да и вправду ли она правда, что вы, не знаете манию у них там в галуте делать из мухи слона?!

А в Польше полыхалаполыхало Шоа, и в лагере смерти Трешлинка уже всю испепелялись 300 тысяч варшавских евреев. Информация, хотя и скудная, бередила Мордехая Шенхави. Августовской парной ночью, после дневного привычного изнурения на кибуцном кукурузном поле, привиделся ему сон: миллион евреев бесконечной лентой шли с надгробиями на плечах и, дойдя до какого-то поля, укладывали эти памятники друг на друга, громоздя огромный монумент – свидетельство об их жизнях, размером километр на километр и высотой сто метров.

Сон навязался идеей: увековечить в Мемориале поимённо каждого, лишённого возможности обрести памятник после смерти. Уже 10 сентября 1942 г. он представил руководству Еврейского Национального Фонда (*Керен Каемет ле-Израель* - ККЛ), обустривающему еврейские земли Палестины, 9 страниц плана «Национального проекта». Страстный сионист, «шомровец» Шенхави не мог не связывать создание Мемориала со строительством еврейского государства – единственного спасения евреев от небытия. Он надумал парк площадью 200 гектаров, где предусматривалось разместить: павильоны, посвящённые истории еврейского героизма; символическое кладбище тех, кто умер в изгнании и в Палестине; гостиничный комплекс и оздоровительный центр для иммигрантов; детские и студенческие общежития; дом сирот; дома отдыха, и музей, и архивы, и центр изучения истории сионизма, и многое ещё вплоть до конференц-залов и спортивных сооружений. А в центре Мемориала, и это первый пункт плана, предполагал Шенхави возвысить «Павильон исчезнувших», «где будут собраны имена всех евреев, замученных или убитых в разных странах в ходе текущей войны и германских бесчинств». Здесь Шенхави на полях приписал от руки: «Следует включить имена всех еврейских солдат, боровшихся в этой войне» - ему хотелось дать в Палестине место бесприютным душам павших еврейских солдат ,

тут и практический смысл проглядывался: противостоять будущим попыткам других организаций создать Мемориалы фронтовикам - деньги бедного ККЛ нельзя было расплыть, их и на парк Шенхави не доставало. Он поэтому предложил объявить сбор средств в месяце элул (август-сентябрь) - «дни поста и покаяния», когда по обычаю еврейские общины галута собирали пожертвования. Соблюдением традиции Шенхави ублажал возможных религиозных противников Мемориала как чересчур светского способа почитания мёртвых. Он для того и День Памяти погибших евреев наметил назначить в элуле.

Сионистам же специально кланяться было вроде бы ни к чему – их идеи негасимо горели в душе автора проекта. Он и местом своего парка выбрал Изреельскую долину, там возле первых кибуцов Дан и Дафна Мемориал, вписанный в природу, и первозданную, и преобразованную поселенцами-первопроходцами, стал бы частью отражения пути «из Диаспоры к Искуплению» - по мнению сионистов, европейским евреям следовало каяться за неприятие идей сионизма и искупать грех созиданием своей страны здесь, в Палестине.

Кажется, всем угождал Мордехай Шенхави. Но как евреям без спора? Шли обсуждения, даже и за границей, хлопотали возражения, шелестела пресса, возникали разные варианты: регистрировать имена погибших в Книге ККЛ, где отмечаются все жертвователи фонда, установить монумент с именами, построить Зал Памяти с именами на стенах или символическое кладбище со стеклянной крышей, чтобы оно служило теплицей для тропических растений. Друг Шенхави архитектор Мунью Вайнтрауб со своим сотрудником Альфредом Мансфельдом предложил Мордехаю оформить центр Мемориала в виде круглого здания, подобного римскому Пантеону. Кто-то ратовал за сад с мемориальными помещениями, где на мраморных стенах родственники погибших могут поместить их имена. А кому-то более скромному казалось достаточным завести 22 книги по числу букв древнееврейского алфавита, заносить в них имена жертв и в их семьях такие книги передавать по наследству. Многообразные проекты рождало, однако, одно первоочередное требование – запечатлеть имена убитых.

Предполагаемое место расположения Мемориала тоже менялось не раз. Гора Кармель, Иерусалим... И в милой Шенхави Изреельской долине не могли спорщики согласиться, возле каких кибуцов разбивать парк, – иных прельщала, например,

окрестность кибуца Эйн-Шофет, опекаемого американцами – спонсорами ККЛ, манила надежда на их дальнейшую щедрость.

Споры длились и длились, год, другой, третий. А до их разгара, сразу после рождения записки Шенхави в Национальный Фонд произошло вот что. Два с половиной месяца в Фонде думали над проектом, затем 21 ноября 1942 г. директор ККЛ доктор Авраам Гранот (Абрахам Грановски) отписал Шенхави, что его проект не имеет органической связи с прямой целью ККЛ – приобретением и развитием еврейских земель в Палестине, кроме того предлагаемый национальный парк может стать центральным объектом для путешествующих в Эрец-Исраэль и это будет «запретной эксплуатацией еврейского национального бедствия». Стеснявшийся громко говорить о бедствии А. Гранот потребовал от Шенхави переработать проект.

На следующий день, 22 ноября, перед руководством Еврейского Агентства выступили несколько польских евреев, которых немцы выпустили в Палестину взамен задержанных союзниками граждан Германии. Следуя их свидетельствам, местная еврейская пресса впервые рассказала о трагедии польских евреев, а через несколько дней руководство ишува провело три дня «тревоги и протеста» с 30 ноября по 2 декабря 1942 г. 100 тысяч участников впервые выразили связь ишува с Катастрофой постом и трауром, митингами, где клеймили нацистов и равнодушные стран-союзников, забастовкой предприятий и транспорта, отменой увеселений.

Национальные учреждения решили отметить дополнительно 30 дней траура, начиная с 18 декабря, 10 *тевета* по еврейскому календарю – дня траурного поста по религиозной традиции, его главный раввинат ишува предложил в качестве Дня памяти об евреях, чей день смерти неизвестен. А 30 последующих дней – это *илошим*, у евреев время поминания усопших. Левые, светские роптали: «театр раввинов», «пост – выражение слабости, не соответствующее героической борьбе за еврейское возрождение на еврейской земле».

Шенхави тем временем работал над эскизами Мемориала и 21 февраля 1943 г. представил руководству ККЛ переработанный свой проект, в котором, однако, единственным существенным изменением было добавление «Павильона еврейских солдат», чтобы показать, по словам Шенхави, «роль еврейских солдат Америки и других стран» (именно так: даже у него, «левака», социалиста сотни тысяч советских евреев-фронтовиков обозначились в «других странах»). Скорей всего Шенхави хотел дополнительно указать евреям ишува на героическую боевую сторону Холокоста. Но

ККЛ отверг предложение Шенхави: фонд уже занимался увековечиванием еврейских бойцов в Лесу еврейских солдат в кибуце Маале-Хамиша.

Возражения ККЛ против своего последнего варианта Шенхави получил в начале июня 1943 года. Он тут же написал Граноту: «Не соглашусь с убийством основной идеи моего плана... Снова прошу дать мне ваши предложения, чтобы я мог начать работать на их основе...»

После российских мордобитий возле Сталинграда и Курска немцы начали путь к своему концу, но свирепость Шоа не стихала. Евреи уходили в небо через крематории в Польше и в землю СССР, хлюпающую кровью расстрелянных. Ишув вяло, но откликнулся: 19 апреля 1944-го «Днём протеста» отметили первую годовщину восстания Варшавского гетто, постились и бастовали.

А Шенхави долбил своё. В июле 1944-го он обратился со своей идеей Мемориала к организации сионистской молодёжи и к видным сионистам, включая Генриэтту Сольд и того же Гранота. Никто не ответил. До памятников ли было, если война не кончалась, а денег нет; если ишув шлёт людей на два фронта – на Ближний Восток и в Европу; если Катастрофа, как многие твердили, - забота не местная, а евреев галута, монументов заслуживают бойцы, но сколько их среди погибших, «поколения пустыни»?..

В августе 1944-го Шенхави дорвался до главного в ишuve Председателя Еврейского Агентства Давида Бен-Гуриона, «Старика». Тот создание Мемориала в принципе поддержал и даже место ему указал – Иерусалим, угодно и религиозным сионистам, и светским социалистам. Шенхави возражал, его по-прежнему манили первые поселения сионистов, но со Стариком спорить, что против ветра плевать.

Шёл к концу 1944-й год, уже предпобедный, когда ККЛ в очередной раз отложил рассмотрение проекта Шенхави. Но вдруг, даже без толчка со стороны Шенхави, воспрянула его идея. Два деятеля Всемирного Еврейского Конгресса (ВЕК - международное объединение еврейских организаций, тон здесь задавали американские евреи), Барух Цукерман и Якоб Хелман в ноябре 1944-го предложили обсудить, а в феврале 1945-го представили на заседание ВЕКа свой план увековечения погибших евреев мемориалом в Палестине, на горе Кармель, «у врат Земли Обетованной», и первым из всех проектируемых сооружений должно стать «специальное помещение с именами всех жертв на листах пергамента» (цит. по М. Brog. In Blessed Memory of A Dream [Jad Vashem Studies, XXX, Jerusalem, 2002, 319]).

Заодно авторы высказались за установление Дня Памяти, связанного с датой восстания Варшавского гетто, 19 апреля 1943 г.

За этот проект ухватились руководители американского еврейства: мемориалу лучшее место в Палестине, нечего ему маячить где-то в Европе или, тем более, в Соединённых Штатах, чьи евреи являются частью победившего нацистов американского народа, им не к лицу «еврейский позор Катастрофы». И ККЛ на пороге февральского обсуждения нового плана ВЕК”ом бросился спешно обдумывать его, обговаривать. В руководстве ККЛ единства не получалось: некоторые были за «мемориальные деревни».

Шенхави взвился: до сих пор он честно исполнял требование ККЛ держать свой проект в секрете до конечного решения Национального Фонда, Фонд тянет два с половиной года, вот и ещё одно предложение всплыло статьёй в газете «*Хаарец*» - поставить на иерусалимской горе Скопус Мемориал Диаспоры с экспозицией, посвящённой погибшим евреям, а его план валяется под сукном в Фонде, не только необсуждаемый, но и невидимый – похороненный. Он требует от ККЛ опубликовать его проект – не то он сделает это сам.

Конца не виделось. Шенхави предстояло ещё перетерпеть забвение его проекта при планировании организациями ишува послевоенной деятельности и появление очередных вариантов увековечивания вроде сада с мемориалом в виде арки, напоминающей стены иерусалимского Старого города. Но он не опускал рук.

В мае 1945 г. Шенхави снова изложил свои соображения на тесно заполненных 10 страницах под заголовком «Обоснование Яд Вашема – Мемориала погибших евреев Европы. Наброски плана увековечивания диаспоры». Так впервые прозвучало название «*Яд Вашем*» («Память и имя») - его глава религиозного отдела ККЛ рав Моше Бурштин предложил Шенхави ещё в 1942-м, но тот до сих пор его не употреблял (может быть, как социалист противился «клерикализации»). 25 мая газета «*Давар*» поместила статью Шенхави об этом плане: «Число наших погибших – миллионы! Миллионы без могил и без памятника... Построим вечный Мемориал – учитель и наставник будущим поколениям. Этот Мемориал сохранит память о каждой отдельной жертве и позволит каждому еврею освятить память о своих близких». В статье Шенхави подчеркивались слова: «Мемориал может и должен быть построен только в месте, где бьётся еврейский национальный пульс. Только Эрец-Исраэль [библейская «Земля Израиля»] знает, как воспринять и сохранить это национальное

достояние». Шенхави упрямо, и пред Бен-Гурионом не птясь, настаивал на размещении Мемориала возле первых кибуцов. Хотя слова «Яд Вашем», взятые из слов пророка Ишаяху (Исайи) «Им дам я в доме моём и в стенах моих память и имя, которые не истребятся», наталкивали сообразить, что еврейским домом пророк как раз и считал Иерусалим, и старый Бен-Гурион, как почти всегда, оказывался прав.

В опубликованных «Набросках» Шенхави звал воздвигнуть памятники погибшим евреям по всему миру. А на первом месте он, как и прежде, поместил «монументальное здание» с Книгами памяти.

Шёл победный 1945-й. Освободились лагеря, разомкнулись гетто. Явились трупы, муки, молчание могил, стон и слёзы очевидцев. В ишуве обсуждали сооружение мемориала в Иерусалиме, учёные Еврейского университета местом определяли гору Скопус, религиозные харедим – Масличную гору, освящённую традицией, здесь молиться в самый раз, и Мессия, говорили, сюда именно явится.

В августе 1945 г. первая послевоенная конференция сионистов в Лондоне, поддакивая американским собратям, постановила: соорудить в Палестине центр памяти «Яд ва-Шем»; срок – лето 1947 года.

Шенхави в преддверии Лондонской конференции подготовил два варианта своего проекта: в первом – огромный зал с мозаичным полом и досками, покрытыми именами жертв, во втором – Памятник Неизвестной жертве, поминальные помещения для каждой страны и площадь в 25000 квадратных метров, где на траурные церемонии смогут собраться до 30 тысяч человек. Размахнулся Шенхави красиво. Однако никакая организация его в Лондон не послала, планы его там даже позабыли упомянуть. Хотя был создан Комитет по созданию Яд Вашема, и Шенхави в него ввели, но не председателем, каковым стал руководитель *Vaad Leumi* Давид Ремез.

Государства у евреев ещё не было, бюрократов, значит, тоже, и дело, в общем, пошло: в феврале 1946 г. Яд ва-Шем открылся крохотным учреждением в центре Иерусалима и отделением в Тель-Авиве. С 10 февраля 1946 г. начались регулярные заседания организационного Комитета, он свои обязанности честно исполнял, разворачивал собиранье материалов в Палестине и Европе, у отдельных лиц и в архивах, включая концлагерные, обсуждал разные варианты устройства Мемориала, выискивал деньги, а поначалу проблемой было даже изыскать 1200 долларов для месячной работы в Польше или Венгрии. Забота об именах жертв Катастрофы не

оставляла членов Комитета, на заседании 20 мая 1946 года, через год после победы над Германией, они уже нацеливались собрать 4-5 миллионов имён.

В июне 1947 года научная конференция в Еврейском университете в Иерусалиме решила выискивать и изучать в Яд ва-Шеме документы Катастрофы евреев.

Давний сон Шенхави творился, несмотря на заминки, связанные с устройством Государства Израиль, с Войной за независимость, с послевоенной нищетой и беспорядком, с еврейским обыкновением разноголосить по всякому поводу.

Покорители здешней земли в силе и славе своей отреклись от покорно погибшего «стада на бойне», честь и поминание дозволяя лишь бойцам еврейского сопротивления; но как раз один из выживших героев, командир подпольщиков Вильнюса Аба Ковнер одёргивал: несправедливо делить на «герои» – «жертвы», жизнь сложна, тем более еврейская, а Катастрофа и вовсе головоломна.

Ревнителю религии отвергали Мемориал: еврейская память нематериальна, она в ешиве и молитве, «не сотвори кумира». Споры, уговоры, уступки... Новое государство – итог шести миллионов смертей, решило кланяться им в День Памяти. Когда? Верующим напрашивались по еврейскому календарю 10 тевета, когда читают общую поминальную молитву, или 1 адара – день смерти Моисея: у него, как у миллионов убитых, нет могилы. Безбожные сионисты стояли за 19 апреля – день начала восстания варшавского гетто в 1943 году (так и Шенхави высказался 25 мая 1945 г. в газете «Давар»). Поладили: то 19 апреля подходяще выпало на канун еврейского праздника освобождения – Песах; восстание отмечая и Песах не омрачая, постановили поминать Шоа в послепраздничный традиционный период «полутраура», назначив один из дней следующей за Песахом недели, 27 нисана – это число и определил в 1951 году израильский парламент Днём Памяти Катастрофы, *Йом а-Шоа*; по-христиански он приходится каждый год на иную дату.

Но общего согласия вокруг увековечивания жертв Шоа никак не получалось. Даже и сейчас, десятки лет спустя, находятся израильтяне, не желающие слушать обязательную траурную сирену в День Катастрофы, и не включён Йом а-Шоа в число памятных дней еврейского религиозного календаря. Что же говорить о тех годах, первых послевоенных?

Неостановимо вспыхивали требования почтить только борцов, остальные «умерли и умерли – что тут говорить», как обронил один из политиков. Нашёлся в ишуве и кибуц, в котором сразу после Шоа накануне Песаха читали свою самодельную *агаду*

со словами: «Не только Гитлер в ответе за погибшие шесть миллионов, но мы все, а прежде всего сами шесть миллионов. Если бы они чувствовали в себе силу, они не дали бы себя убить. Самоуничтожение гетто и галута внесло свой вклад в великое уничтожение евреев». Жертв Шоа, случалось, обзывали «мылом», разумея мыло, которое варили немцы из тел концлагерных узников.

А Мордехаю Шенхави каждый погибший был свой. И он воевал. В 1950 году он представил Бен-Гуриону предложение всех расплывенных Катастрофой числить гражданами Израиля, ибо они дети еврейского народа и «наш национальный долг, - писал он Бен-Гуриону, - восстановить их элементарное право». Шенхави не уставал драться за мёртвых, он колотился в равнодушные двери, ссорился с единомышленниками, мирился с противниками, выколачивал деньги, ругался...

Большое дело мягкой ладошкой не слепишь, и что-нибудь, верно, стоит за той странностью, что Шенхави, победив, доведя свой замысел в 1953 году до Государственного Закона о Яд Вашеме и став первым его руководителем, – тут же и расстался с директорским постом. Старожилы Мемориала вспоминали, как он, вернувшись из командировки в США, не смог войти в свой кабинет в Яд Вашеме – дверь была заперта. С тех пор он в Мемориале не появился ни разу. В 1972 г. только что назначенный очередной директор Яд Вашема Ицхак Арад позвонил Шенхави: «Почему ты не появляешься здесь?». Мордехай отрезал: «Не поеду. Хочешь со мной поговорить – приезжай ко мне». Историк И. Араду, бывшему советскому партизану и израильскому генералу, предстояло два десятка лет воплощать зыбкие сновидения Шенхави в здания, деревья, монументы – разворачивать панораму памяти и скорби. В преддверии безмерного дела, где могли бы пригодиться любые придумки беспокойного Шенхави, новый директор не поленился, поехал к нему в дальний кибуц Мишмар ха-Эмек. Они проговорили 4 часа. О чём угодно, но ни слова не хотел сказать Шенхави о Яд Вашеме.

Он умер в Мишмар ха-Эмек 13 февраля 1983 г., 82-летний вечный холостяк, внешне непримечательный, только что лоб крутой, упрямый да в глазах – сталь. Мемориал отозвался через четыре месяца в «Новостях Яд Вашема» некрологом, меньше страницы текста. В Краткой Еврейской Энциклопедии на русском языке подробная статья «Яд Вашем» среди директоров Мемориала Мордехая Шенхави не упоминает. И в сегодняшнем Яд Вашеме мало кто помнит его создателя. В 1970-е годы по распоряжению И. Арада в скромном зале заседаний вывесили портреты

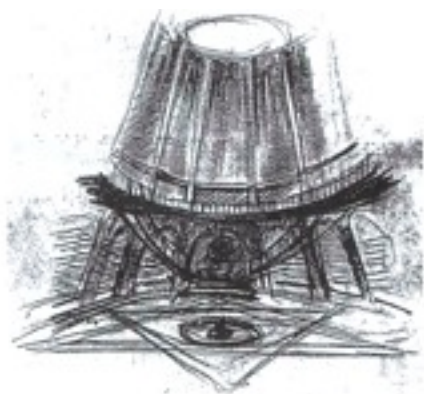
предыдущих руководителей Яд Вашема, первым в ряду был жёсткий облик Мордехая Шенхави.

Теперь тех портретов нет, зал, правда, сотрудники называют именем Шенхави, но ни на какой табличке то имя не начертано. Впрочем, на территории Мемориала стоит малозаметно памятник, скромный донельзя: религиозный еврей со свитком священным, внизу табличка с названием «Тора» и мелкими буквами: «Памяти Мордехая Шенхави». Место, далёкое от маршрутов посетителей, кто ту скульптуру и ту табличку углядит?

А идея Шенхави – состоялась. На Иерусалимской Горе Памяти горит вечный огонь, высятся скульптуры, стынет скорбь на камнях Долины Уничтоженных Общин, зеленеет Парк Праведников Народов Мира, за его деревьями и отдельно на стенах фамилии 22 тысяч подвижников, толпятся посетители в музеях, в аудиториях набираются знаний тысячи учёных, учителей, учащихся, солдат, и выходят научные труды, и в черноте Детского мемориала колят сердце искры потушенных душ и вспархивают отзвучавшие имена.

Зыбкий сон Шенхави оказался вещим. Конечно, ему не снилось, что за шесть десятков лет Яд Вашем скопит 70 миллионов страниц документов, 45 тысяч свидетельств, десятки тысяч исторических и художественных экспонатов, почти полмиллиона фильмов и фотографий, 112 тысяч книг на 50 языках... Но из того сна в Яд Вашеме – Зал, где хранятся имена погибших евреев, около двух миллионов имён. В первых представлениях Шенхави Зал Имён выглядел так: купольное сооружение, на стенах – имена убитых, на полу огромный маген-давид с вечным огнём в центре.

В жизни реальной такого Зала никогда не было. При Шенхави его первым воплощением явилась одна из комнат Яд Вашема, где копились памятные записки с именами погибших в Катастрофе. С 1955 года стали собирать имена записанными на специально разработанные бланки – «Листы свидетельских показаний», *дапей-эд* на иврите.

Сегодня в развернувшемся широко Яд Вашеме Зал Имён завершает сложную многосмысленную экспозицию музея истории Катастрофы сооружением, созвучным идее первых единомышленников Шенхави уподобить хранилище имён Пантеону в Риме. Зал из двух конусов, первый, 10-метровой высоты, сужаясь кверху, несёт на себе шесть сотен фотографий с Листов-анкет – дети, старики, морщины, улыбки, позы, глаза; этому конусу вторит другой, нижний, опрокинутый зеркально, он вырублен в скале, на дне его водоём, в чьей мрачной воде дрожат отражения тех же обликов, едва видные, зыбкие... Посетителям гид, бывает, подсказывает: вверху ухваченные фотоаппаратом люди в радости, печали, покое – живые; внизу тьма могилы, бездонной, бесконечной, в ней слабо мерцают лики – следы ушедших, их тени, души, кто что вообразит.

Возможно, гид подсмотрел верно. Но можно взять и пошире. Бесчисленные изображения наверху уходят в небо словно дымом крематория, и те же лица видятся внизу намёками на убитые жизни, пробивающимися из-под чёрного блеска воды, из смертной ямы... Поток мёртвых наверху и поток мёртвых внизу. Обзорная площадка между конусами вталкивает вошедшего сюда зрителя между мёртвыми, делает его, живого, частью того нескончаемого хода в небытие – тут и задуматься бы, по ком звонит колокол... Много чего может подсказать Яд Вашем: безмерная ёмкость Шоа в любом рассказе о Катастрофе подбрасывает поучающую символику.

Зал подталкивает через единение с жертвами сообразить общность судеб человеческих. Непонятливого Зал охватит, помимо конусов, ещё и стеной вокруг площадки, там чернеют ниши, уставленные ровными рядами папок с Листами, часть ниш пуста, их темень ждёт, зовёт энтузиастов набрать недостающие миллионы имён, но как их набрать, если уходят годы и люди, причастные к Шоа, если даже и во времена освобождения оккупированных гитлеровцами земель созданные по горячим следам списки убитых евреев содержат после перечня в сто-полтораста имён приписку: «Плюс 3500 неопознанных»?..

...В Йом А-Шоа – День памяти жертв Катастрофы в еврейских домах, общинах, синагогах, школах, собраниях и в самом Яд Вашеме у вечного огня свидетели лет Шоа и потомки их произносят имена погибших. Имена из хранилища ядвашемовского, из Зала Имён, их теперь проще простого на его сайте интернетовском взять, а можно и запросить загодя списки - и раскатится по миру поминание... Капли боли, искры памяти, эхо Трагедии – имена, Имена, ИМЕНА: Хаим Рабинович, Малка Энден, Сёма Гольдман, Моисей Бонфельд, Нехама Нуринкис, Нелли Мошинская, Ошер-Велвл Сребреник, Эммануэль Рингельблюм, Хая Нудельман, Эстер-Рухл Бранденбургская, Иосиф Розенштайн...

...расстрелян, задушен, утоплен, сожжена...

...Абрам, Злата, Фрума, Альберт, Григорий, Беня, Циля, Жюль, Нюся, Фейгеле...

Из небытия извлёк их Зал, дал на миг коснуться живых, и уходят они снова в небытие, в небо... Бесконечной высоты монументом, невидимым, бесплотным, словно сон Мордехая Шенхави в 1942 году.

